

**СЕМАНТИКА И ПОЭТИКА ПУСТОТЫ В СБОРНИКЕ
И. БРОДСКОГО «ЧАСТЬ РЕЧИ»****Постникова С. И.****научный руководитель д-р филол. наук Говорухина Ю. А.*****Сибирский федеральный университет***

Категория Пустоты – одна из самых значимых в поэзии И. Бродского. Ее можно поставить в один ряд с такими инвариантными мотивами его лирики, как Человек, Вещь, Слово. Неудивительно, что она привлекала многих исследователей-литературоведов: на сегодняшний день существует несколько концепций образа Пустоты в творчестве И. Бродского, среди которых интерпретации И. И. Плехановой, Л. М. Баткина.

Л. М. Баткин в работе «Тридцать третья буква: Заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского» рассматривает пустоту в поэзии И. Бродского как то потустороннее, что следует за смертью [Баткин, 1996, с. 27], как то, что становится оппозицией «вещи» [Там же, с. 29]. Ученый делает тонкие наблюдения о языковом и метафизическом воплощении пустоты в текстах поэта. Так, он замечает, что "«О» - это обведенная пером пустота" [Там же, с. 78], а любое «Я» как точка в пространстве обречено на пустоту [Там же, с. 79]. Называя свою работу «заметками читателя», автор не считает нужным создавать четко прописанную концепцию пустоты; его анализ базируется лишь на выбранных стихотворениях, без перехода от частного к общему.

Целью своего исследования «Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Под знаком бесконечности: эстетика метафизической свободы против трагической реальности» И. И. Плеханова ставит раскрытие «экзистенциального смысла поэзии И. Бродского». Осмысление пустоты как составляющей миропонимания поэта при всей его «трагедийной природе» было неминуемо [Плеханова, 2001, с. 8]. Исследователь определяет Пустоту и Ничто как синонимы не-бытия [Там же, с. 131], говорит о том, что «поэзия соприродна и соразмерна Пустоте» [Там же, с. 132]. Более того, И. И. Плеханова выделяет критерии Пустоты: в случае, когда она отождествляется с поэтической бесконечностью, ее критерием «остается глубина, многомерность, ассоциативная неожиданность и насыщенность поэтического образа», но не менее важный критерий – «диалог бытия и не-бытия в самом себе» [Там же, с. 138].

В монографии «"На пиру Мнемозины": Интертексты Бродского» А. М. Ранчин не выделяет в мотивной структуре текстов поэта категорию пустоты как таковую; однако называет пограничные мотивы одиночества и отчуждения как «поэтические инварианты» лирики И. Бродского.

В своей работе мы, не отрицая выводов известных бродсковедов, напротив, выстраивая исследование диалогически по отношению к ним, пытаемся, перечитав тексты И. Бродского, осмыслить категорию Пустоты вне заданных оппозиций. В качестве материала нашего исследования был выбран поэтический сборник «Часть речи», в котором мотив пустоты является едва ли не самым частым. Этот факт обусловлен биографически. По мнению М. Павлова, жизнь И. Бродского во второй половине 1960-х – начале 70-х гг. «можно назвать "насильственным подталкиванием к небытию", то есть когда тебя не убивают в буквальном смысле, но всячески стараются отнять максимум из того, что ты имеешь» [Павлов, 1998, с. 23]. 1972 год – год фактического изгнания поэта из СССР – воспринимается как период «перелома или даже разлома в жизни и творчестве Бродского» [Кастеллано, 1998, с. 81], груз утрат

становится очевидным и невыносимым. Практически в каждом стихотворении этого времени так или иначе проявляется тема пустоты как отражение душевного кризиса.

Анализ стихотворений сборника «Часть речи» в выбранном аспекте позволил сделать следующие выводы (обозначу их в начале доклада, чтобы затем представить логику анализа). 1. На наш взгляд, категория Пустоты в ее художественной реализации у Бродского может быть осмыслена и вне оппозиций «вещь – пустота», «пустота/небытие – бытие», «пустота – наполненность». Нам близко суждение А. М. Ранчина о вещи как о синтезе пустоты и материи у Бродского [Ранчин, 2001, с. 43], исходя из которого пустота не может быть названа абсолютной, противопоставленной вещи как нечто абстрактное. 2. Пустота у Бродского потенциально заполнена. 3. Пустота – такая категория, которая предполагает систему связей и векторов.

Одна из таких категорий, связанных с пустотой наиболее тесно, – момент осознания пустоты, который мы можем найти в стихотворении «23 декабря 1971 года».

В первых строфах мы видим картину приготовлений обывателей к празднованию Рождества Христова: «В продовольственных слякоть и давка», «Сетки, сумки, авоськи, кульки, / шапки, галстуки, сбитые набок. / Запах водки, хвои и трески, / мандаринов, корицы и яблок». Материальная подоплека Рождества превалирует над духовной, и праздник рождения Иисуса Христа для людей становится формальным торжеством, поводом подарить друг другу подарки. «Мир переполнен вещами и телами, и вот эта-то давящая пустота жизни хуже всего. Душе на этом пустыре нет места» [Баткин, 1996, с. 80]. Наполненность пространства людьми и вещами действительно по контрасту усиливает пустоту души; оппозиция «заполненность – пустота» концептуально важна в структуре текста. Пелена повседневности и неверия накрыла сознание людей, духовность человека, потенциально присутствующая в нем, не может прорваться сквозь материализацию, вьезшуюся до глубины души и воцарившуюся там.

Но даже подарки, которые дарят друг другу люди, обладают сниженной семантикой: И. Бродский выстраивает десакрализованную «версию» библейского сюжета, используя прием своеобразного «опустошения» смысла. В дар от мудрецов – Балтазара, Мельхиора и Каспара – Младенец получил то, что не мог получить никто другой, – золото как царь, ладан как Бог и смирну как человек. Люди несут друг другу повседневные продукты потребления, редкость в «их» мире – банка кофейной халвы, что в очередной раз акцентирует наше внимание на бессмысленности подарков в советской стране в противопоставлении с «истинными» дарами. Лирический герой резюмирует: «Хаос лиц, и не видно тропы / в Вифлеем из-за снежной крупы».

Однако неосознанная попытка заполнить внутреннее пространство материальным, заглушить отсутствие светлого, духовного начала «скромными дарами» приводит к обнаружению ложности ценностей, к появлению мысли о пустоте. И это – ключевой момент в анализе текста: мы понимаем, что человек не потерял до тех пор, пока в нем есть способность к осознанию неистинности собственной жизни: «Пустота. Но при мысли о ней / видишь вдруг как бы свет ниоткуда». Свет – маленькое, хоть и не яркое еще, чудо.

А чудо неизбежно; оно тем вернее, чем сильнее зло. «Постоянство такого родства - / основной механизм Рождества», - выводит закон лирический герой. И он действует: люди празднуют, еще не осознавая до конца, еще не ощущая «потребность в звезде», но – вот влияние «механизма»! – чувствуя появление «благой воли», которая неизбежно следует за моментом самоосмысления. Они уже идут к Христу - ночью, на ощупь, разжигая костры.

Но, между тем, «трубят / трубы кровель», на подсознательном уровне ощущается тревога, чье-то приближение, но «кто грядет – никому не понятно». Сердца

все еще закрыты, и есть вероятность, что люди не признают Христа, не зная, не чувствуя его примет. Ночной туман и боязнь не рассеиваются, но отступают – возникает фигура в платке, под которой интуитивно угадывается Дева Мария. Она дарит тот ключ, который завершает процесс осознания, – она окончательно открывает человеку глаза: «<...> смотришь в небо и видишь – звезда». Происходит двойной праздник: физическое рождение Богочеловека там, в далеком Вифлееме, около двух тысяч лет назад, и духовное рождение Бога здесь, в своем сердце.

Таким образом, можно говорить о нескольких проявлениях пустоты в настоящем стихотворении. Во-первых, в качестве средства используется прием «заполненность как пустота». Во-вторых, происходит «опустошение» библейского сюжета советской действительностью. В-третьих, пустота населяет образы: хаос лиц, нет пути, провалы дворов, пещера, (свет) ниоткуда и др. В-четвертых, пустота проявляется в отсутствии, в том числе – знания. В целом, концепция пустоты может быть сформулирована так: она не абсолютна и потенциально заполнена.

В стихотворении «Одному тирану» мы не прочитываем имени главного героя. Еще в своем эссе «О тирании» И. Бродский заметил, что отсутствие индивидуальности и предельную обобщенность образов тиранов вообще: «Новый будет отличаться от старого только внешне. И духовно, и в других отношениях ему предстоит стать точной копией покойника» [Бродский, 1992, с. 83].

Внешняя «невыведимость» тиранов из толпы прописывается уже во второй строке стихотворения: «<...> пальто из драпа; сдержанный сутулый». Но, между тем, эта внешняя невзрачность, приобретя власть, способна пошатнуть столпы мировой культуры, стереть с лица земли ее носителей.

Зачем? Пытаясь отомстить Времени за «бедность, униженья, / за скверный кофе, скуку и сраженья / в двадцать одно, проигранные им», тиран уничтожает тех, кто был невольными свидетелями его несостоятельности. Мщение, направленное в сторону вечного и негибавшего Времени, превращается в тщетную попытку скрыть свое прошлое от самого себя, убить, опустошить его. Выжечь полное, заполнив его пустым, – конечная цель лирического героя, не принимающего прошлое.

Время же «проглатывает» его месть: возникшая на время физическая и духовная пустота вновь заполнена – «здесь» опять людно, слышен смех. Созданная тираном пустота не остается абсолютной: на нее давит Время, и она, будучи не в силах сопротивляться силе, которая превосходит ее, заполняется.

Но и человек не уходит окончательно: присутствие тирана ощущается, «тянет оглянуться», хотя уже давно «всё не то»: появились пластмасса, никель, пирожные. Дух тирана «инкогнито» заходит «сюда», заставляя присутствующих вставать – «по службе» или «от счастья». Мертвый тиран так же силен, как и живой: он правит сознанием, от движения его ладони зависит «уютность» вечера. Мертвый тиран так же реален, как и живой, он воспринимается как живой, иначе не было бы противопоставляющей фразы: «<...> что и мертвые "о да!" / воскликнули бы, если бы воскресли».

В этом стихотворении пустоту можно увидеть дважды в контрастных вариантах. В первой строфе мы имеем дело с пустотой, вшитой в уровень подсознательного желания избавиться от терзающих душу воспоминаний, с пустотой, которой лирический герой пытается наполнить свою далеко не полную память, как бы парадоксально это не звучало. Во второй мы узнаем, что закон Времени – вневременное, и только Время в силах заполнить пустоту, созданную человеком, ведь «у времени масса всякого впереди, в особенности людей» [Там же, с. 84].

Нами было обнаружено пять связей, которые тянутся к одной категории – Пустоте, каждая из стала одним из аспектов доказательства тезисов, заявленных в

начале работы. Так, момент осознания пустоты в стихотворении «23 декабря 1971 года» позволил подтвердить потенциальную наполненность пустоты: пустые духовно люди могут «заполниться» духовными ценностями, если прозреют и почувствуют в себе Бога. Вектор времени, которому в текстах И. Бродского уделяется огромное внимание, опровергает возможную оппозицию «пустота/небытие - бытие», что доказывается анализом стихотворений «Одному тирану», «Бабочка», «Похороны Бобо». Слово как наполнитель пустоты присутствует в тексте «Похороны Бобо». Репрезентантом пустоты как состояния души в текстах «Письма римскому другу» и «Одиссей - Телемаку» является одиночество. Стихотворения «Песня невинности, она же - опыта» и «Бабочка» свидетельствуют о наличии и такой связи, как «ложное существование», которая подтверждает неабсолютность категории пустоты в оппозиции к «бытию».

Выводы, сделанные нами в данной работе на материале поэтического сборника «Часть речи», на данном этапе не могут быть окончательными, но обладают определенной научной новизной.

Список использованной литературы:

1. Баткин Л. М. Тридцать третья буква: Заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. – 333 с.
2. Бродский И. А. О тирании // Бродский И. А. Набережная неисцелимых: Тринадцать эссе: Пер. с англ. / Сост. В. П. Голышев; Художник А. Мешков. – М.: СП «Слово», 1992. – с. 78-86.
3. Кастеллано Ш. Бабочки у Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. – СПб.: «Журнал «Звезда», 1998. – с. 80-86.
4. Павлов М. Поэтика потерь и исчезновений. Заметки о поздних стихах Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. – СПб.: «Журнал «Звезда», 1998. – с. 22-29.
5. Плеханова И. И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Под знаком бесконечности: эстетика метафизической свободы против трагической реальности. Часть II. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. – 302 с.
6. Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 464 с.